

УДК 398+811.512.142

DOI: 10.35330/1991-6639-2020-3-95-114-121

ПРОКЛЯТИЯ КАК ЖАНР КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Ж.М. ЛОКЬЯЕВА

Институт гуманитарных исследований –
филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
360000, Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: kbigi@mail.ru

Статья посвящена исследованию малоизученного жанра карачаево-балкарского фольклора – «проклятия». Выявляются его особенности и формальные признаки, определяется место в системе малых жанров. На основе анализа и систематизации фактического материала, а также с учетом накопленных знаний в области изучения данного жанра представлена авторская таксономия проклятий, отмечены их собственно лингвистические и этнокультурные характеристики, отражающие важный фрагмент наивной этнической картины мира, сопряженной со сферой традиционных интерперсональных отношений.

Ключевые слова: карачаево-балкарский фольклор, малые жанры, проклятия, художественные особенности, картина мира.

Карачаево-балкарский фольклор представлен многообразием жанров, среди которых наиболее значительными являются историко-героический эпос, песни, сказки, сказания о нартах, легенды, предания, притчи и т.п. Немаловажную роль играют и так называемые малые жанры – загадки, пословицы и поговорки, проклятия и благопожелания и т.д.

Объектом нашего исследования являются проклятия. Этот жанр в той или иной степени привлекал внимание исследователей карачаево-балкарского фольклора, однако не стал объектом специального изучения. Некоторые аспекты были затронуты в трудах фольклористов и литературоведов: Ф.А. Урусбиевой, А.И. Караевой, А.З. Холаева, Х.Х. Малкондуева, М.Ч. Джуртубаева, Т.М. Хаджиевой, Т.Ш. Биттировой и др. Внимание ученых непосредственно на *проклятиях* не акцентируется – оно сосредоточено в большей степени на анализе таких важных составляющих карачаево-балкарского фольклора, как клятвы, клятвенные слова и благопожелания.

Исследователь Т.М. Хаджиева к малым жанрам карачаево-балкарского фольклора, отражающим богатство родного языка и народную мудрость, относит: *алгышла бла къаргышла* (благопожелания и проклятия); *антла* (клятвы); *ырысла* (табу, запреты); *белгиле, илишанла, жоралаула* (приметы, поверья, предзнаменования, толкования снов); *нарт сёзле бла нарт айтыула* (пословицы и поговорки); *къанатлы сёзле* (крылатые слова) и *элберле* (загадки) [10, с. 6]. При классификации малых жанров карачаево-балкарского фольклора исследователь выделяет *проклятия* как жанр (правда, детализированная характеристика дается только клятвам (*антла*) и клятвенным словам (*ант сёзле*) [10, с. 32]. «В основе проклятий, как и в основе благопожеланий, лежит магия слова, – отмечает исследователь. – При этом, если проследить в них за системой ценностей, то они несут в себе ту же информацию, что и благопожелания, но «с точностью до наоборот» [11, с. 576]. К примеру: *Насыплы бол!* «Будь счастлив (а)!» – *Насыпсыз бол!* «Будь несчастлив(ым)!»; *Ахшы жолгъа бар!* «Счастливого пути!» – *Аман жолгъа бар!* «Отправляйся в недобрый путь!»; *Сау тангнга чыкъ!* «Чтобы утро встретил живым-здоровым!» – *Тангнга сау чыкъма!*

«Чтобы не дожил до утра!»; *Жашауунгдан кьууан!* «Чтобы радовался жизни!» – *Жашауунгдан кьууанма!* «Чтобы жизнь тебя не радовала!» и т.д.

«Благопожелания и проклятия использовались в нартских песнях и сказаниях (Нарты. С. 316, 318, 394, 547; и др.), в историко-героических песнях («Ачемез», «Татаркан», «Кайсынла» и др.), в любовной лирике, в ийнарах и во многих произведениях прозаических жанров» [11, с. 576].

Х.Х. Малкондуев в своих научных трудах отмечает, что «основную часть общинно-обрядовой поэзии балкаро-карачаевцев составляют клятвенные формулы, произносимые избранными в народный парламент – Халкъ-Тёре – людьми» [6, с. 39]. По его словам, подобный ритуал проводился раз в семь лет, а также был связан со сменой состава народного парламента в силу смерти одного или более его членов. Он так же, как и другие исследователи карачаево-балкарского фольклора, больше останавливается на клятвах и клятвенных формулах, благопожеланиях – *проклятия* же им практически не затронуты.

Кьаргыш (проклятие) – словесная форма, содержащая пожелание зла в адрес обидчика и ругательства в качестве осуждения каких-либо греховных поступков. «Не всегда и не каждый сможет сориентироваться и сразу придумать и сказать или умело использовать уже существующие проклятия. Ведь каждый по-своему реагирует и отвечает на совершенное против него зло...» [12, с. 96]. Этот жанр не связан с этикетом народа, а само применение проклятий связано с агрессией, негативными эмоциями и оценкой того, кому адресовалось проклятие. Как правило, они адресованы в будущее, и проклинающий уверен в том, что его проклятия исполнятся благодаря сверхъестественным силам. Именно вера в мощь и силу свыше (в ожидании, в данном случае, кары или возмездия (для обидчика) за содеянное), будь то Тейри или Аллах, является необходимой предпосылкой – без этого высказывание будет трактоваться как нереальное желание.

У карачаевцев и балкарцев много клятв именем Тейри: *Тейри урсун мени!* «Пусть меня накажет бог неба Тейри!»; именем Аллаха: *Аллах хакьына (уоллахий, билляхий, таллахий)!* «Клянусь Аллахом (уоллахий, билляхий, таллахий)!»; именем покойного отца (матери): *Атамы (анамы) жань ючюн!* «Клянусь душой покойного отца (матери)!»; своей душой: *Жаньым чыкьсын!* «Пусть душа покинет меня!»; святостью хлеба (истиной этого изобилия): *Бу гыржынны хакьына!* «Клянусь истиной этого хлеба!» *Бу берекет урсун!* «Клянусь святостью этого изобилия!» и т.д. [4, с. 261].

По справедливому утверждению Ф.Т. Узденовой, «самый большой пласт обращений (с просьбой) – это обращения к верховному богу (Тейри), или богу неба (самому почитаемому у тюркоязычных народов). Апелляция к Тейри обнаруживается (помимо обрядово-магических практик) в здравицах (алгыш), проклятиях (кьаргыш), клятвах (ант)...» [8, с. 15]. Слово *Тейри* является обязательным элементом архетипических проклятий карачаево-балкарского этноса, функционируя в них в качестве вокатива: *Жокьдан бар этген Тейри, бардан да жокь этген Тейри, бу ёксюзню жаньын кьыйнагьанны ёмюрде тынчлыгы болмазча эт!* «Из ничего породивший Тейри, сущее уничтожающий Тейри, сделай так, чтобы обидевший эту сироту во веки веков не знал покоя!». Такого рода обращения социально обусловлены и отражают «культуру народа, в которой наличествует не только универсальное, но и идиоэтническое» [5, с. 70].

Проклятия являются неотъемлемой частью эмоциональной жизни человека. Другими словами, психологическое состояние человека реализуется через проклятия (пожелание зла, смерти, болезни и т.д.). Особенности карачаево-балкарских проклятий являются краткость, образность, идейно-смысловая значимость, поэтичность языка и образов. По своему содержанию проклятия противоположны благопожеланиям, хотя по форме у них есть и общие элементы, по большей части приходящиеся на пословичные проклятия: *Алгыш этген – алгышлы, кьаргыш этген – кьаргышлы* «Благословляющий – благослов-

лен, проклинающий – проклят»; *Къаргъыш кетер, алгъыш жетер* «Проклятие минет, благословение сбудется»; *Ит къылыгъын билмеген, ит ылыгъын сынар* «Кто не знает привычки собаки, тот сам познает собачью жизнь» и т.д.

По утверждению ученого-фольклориста А.М. Аджиева, проклятия и благопожелания, хотя и выделялись как отдельные жанры, в целом не имели строгих разграничительных границ с другими жанрами. Они могли быть и пословичными выражениями, и довольно большими стихотворными текстами, и прозаическими миниатюрами; являлись неотъемлемой частью свадебного фольклора (обычно благопожелания), естественным компонентом причитаний (как правило, проклятия), календарно-обрядовых песен и знахарских («шаманских») магических текстов и др. [1, с. 186-187].

Специфической разновидностью проклятий являются так называемые застольные (ритуальные) проклятия. «К основному содержанию проклятий, – пишет исследователь адыгских тостов Б. Бгажноков, – присоединяется множественность смыслов, обусловленная контекстом и этосом застольной брани. Это и жесткая логическая связь проклятий с позитивными пожеланиями здравицы, и условность объекта инвективы (мифический злодей, завистник, дьявол), и возникающая на этой почве имитация враждебности и негодования... Единство здравицы и брани конституирует важные свойства архитектурной формы адыгских тостов. Они являются произведениями, в которых органически соединяются позитивные пожелания здравицы и ритуальные, комического свойства проклятия в адрес воображаемых, предполагаемых противников здравицы» [2, с. 4-5].

Проклятия представляют собой жанр устного народного творчества, который выражается четко, конкретно: это в основном прямой, порой сиюминутный эмоционально заряженный отклик на содеянное зло. Карачаево-балкарские проклятия прошли долгий исторический путь, выросли на почве национальной действительности. Они так же, как и благопожелания, выражают сокровенные чувства народа и отличаются не только своеобразным содержанием, но и соответствующей художественной формой.

Исходя из вышесказанного представляется возможным классифицировать проклятия по мотивационным признакам:

1. Проклятия «*къаргъышла*». Например: *Аман тап тюшерик бетине!* «Чтоб плохая метка отпечталась на лице!»; *Кюе-бише турлукъ!* «Чтоб горел и сгорал!»; *Кесин соя турлукъ!* «Чтоб сам себя на части рвал!»; *Ит ауруудан аурурукъ!* «Чтоб заболел собачьей болезнью!»; *Алауганлай къатынсыз къаллыкъ!* «Чтоб как Алауган остался без жены!»; *Аман ёллюк, харам мыллык* «Чтоб умер страшной смертью, скверный труп!» и т.д.

2. Клятвы-проклятия (*антла*): *Мен алай айтхан эсем, тилим тутулсун!* «Если я так сказал(а), пусть отсохнет мой язык!»; *Анам берген сют манга харам болсун!* «Пусть молоко, которое давала моя мама, будет мне не впрок!»; *Мен аны кёрген эсем, эки кёзюм чыкъсын!* «Если я его видел(а), пусть ослепнут мои глаза!»; *Мен аны эшитген эсем, эки къулагъым бителсин!* «Если я это слышал(а), пусть оглохнут мои уши!»; *Анамы жанына барайым, мен аны билип жашыра эсем!* «Да отправиться мне на тот свет за матерью, если я умышленно это скрываю!» и т.д.

3. Псевдопроклятия (*къаргъышлагъа ушагъан сёзле*). Например: *Чечек алмасын!* «Чтобы черная оспа не забрала»; *Ой, сен жетмей къурмагъын!* «Чтобы ты слишком рано не повзрослела!» и т.д.

«Очень близки к проклятиям и отчасти благопожеланиям клятвы – антлар, – пишет исследователь А.М. Аджиев, – они тоже основаны на магии слова и на вере в его силу» [1, с. 189]. Вера в силу слова у карачаевцев и балкарцев встречается в разных фольклорных текстах, иногда благопожелания и проклятия переплетаются настолько,

что затрудняется соотнесение их с той или иной жанровой формой. Как, к примеру, в данном случае:

*У спокойного пусть не будет болезней;
У беспокойного пусть болезнь приключится.
«Аминь» кто скажет, пусть скажет;
Кто не скажет, пусть поскорее умрет [9, с. 235].*

Или:

*Кто не желает добра тому, кто хорош с соседями,
Окрестными людьми и своей семьей,
И кто не любит их, пусть у него рождаются
Дураки и в доме будут покойники [9, с. 235].*

Одной из художественных особенностей карачаево-балкарских проклятий является то, что в них логическое значение дается слишком явно (обнажено): *Кёзлеринг чыкъсынла!* «Чтоб вывалились твои глаза!»; *Тыпырынг къурсун!* «Чтобы потух твой очаг!»; *Къан жилимукъла тёге тургъун!* «Чтобы лил кровавые слёзы!»; *Къайтмазгъа кетерик, иймансыз!* «Чтобы ушёл туда, откуда не возвращаются, безбожник!»; *Жаханым отда кюерик!* «Чтобы горел в аду!»; *Къуру журтну сакъларыкъ!* «Чтобы сторожил пустой (букв. «проклятый родовой») очаг!» и т.д.

Редко, но встречаются случаи, когда проклятия используются не только по прямому назначению, но и для предотвращения какого-либо нежелательного поступка. К примеру, мать отговаривает своего ребенка от того или иного действия, но уговоры оказываются безрезультатными. В этом случае она обращается к нему со следующими словами: *Сен алай этсенг, бизден боша!* «Если ты так сделаешь, то останься сиротой (букв. без нас)!»; *Сен бусагъатда чыгъып кете эсенг, ёлгениме кел!* «Если ты сейчас уходишь, то возвращайся на мои похороны!»; *Сен ол ёксюзню ачитсанг, ичген сютюнг харам болсун!* «Если ты обидишь эту сироту, пусть молоко матери не будет тебе впрок!» и т.д.

Довольно часто после таких слов родных человек задумывается и, испугавшись исполнения проклятия, отступает от своих намерений.

Проклятия также могут указывать на конкретные вещи, части человеческого тела, определенное время и место, которые лишают человека благополучия, счастья, работоспособности.

К примеру, в проклятиях вору желают лишиться рук: *Аны урлагъан къоллары къурсун!* «Пусть отсохнут руки, которые это украли!»; обидчику желают лишиться зрения: *Эки кёзюнден къармалып, дуния жарыгъына термиле олтурсун!* «Чтоб ослепли его глаза, и он мечтал увидеть солнечный свет!»; доносчику, оклеветавшему невиновного, сулят остаться без языка: *Ол тыйылмагъан тили тутулсун!* «Пусть отсохнет язык, который не держится за зубами!», *Тили бюлдюргю этип, сёзюнгю киши ангыламазча болгъун!* «Пусть твоя речь станет косноязычной, чтобы никто не мог понимать ее!»; *Тили артына тартыллыкъ!* «Чтоб язык прилип к гортани!»; слишком мелочному, жадному, ненасытного человеку желают лишиться всего (добра, богатства, достатка): *Хужу къалсын, бош къалсын, къалтырап жыйгъан мюлкю!* «Чтоб его богатства, которые он так ненасытно собирал, остались бесхозными, никому не нужными!»; *Аман факъыралыкъ къыссын аны!* «Чтоб его по-плохому нищета настигла!» и т.д. Приведенные примеры создаются на эмоциональном уровне, неся смысловую нагрузку сиюминутно созданных выражений.

В народе существует поверье, что обоснованные проклятия сбываются, а необоснованные могут «обратиться» к самому же проклинающему (закон бумеранга). Доказательством вышесказанному могут послужить следующие пословицы: *Тюз адамны къаргъасанг, къаргъышынг кесинге жетер!* «Если честного человека проклянешь, то проклятие настиг-

нет тебя самого!». Особенно боялись проклятий несчастного человека: *Къайгъылыны къаргъышы, эшик къангадан ётер!* «Проклятие несчастного человека пройдет через дверное полотно!» [4, с. 108].

Много страшных проклятий в карачаево-балкарском фольклоре. Например: *Сен сал болгъун!* «Чтобы ты умер!»; *Тилинг тутулсун!* «Чтобы отсох твой язык!»; *Жастыгъынгдан жилин чыкъсын!* «Чтобы из подушки твоей вылезла змея!» и т.д.

Подобные проклятия могут быть направлены и на первое лицо, т.е. на самого проклипающего. Если человека напрасно обвиняют, он в свое оправдание может произносить следующие слова: *Мен алай айтхан эсем, мени тилим тутулсун!* «Если я так говорил, то пусть отсохнет мой язык!»; *Мен аны алгъан эсем, эки къолум къурсун!* «Если я это брал, пусть отсохнут мои руки!». Довольно часто такие слова являются подтверждением невинности человека, так как вера в клятву-проклятие в народе очень сильна.

Также проклятия могут быть направлены и на первое, и на второе лицо одновременно. Человек, которого незаслуженно обвиняют в совершении зла, может проклинать как себя, так и того, кто его обижает. К примеру: *Мен алай айтхан эсем, тилим тутулсун, алай тюйюл эсе уа, тилинг тутулсун!* «Если я так говорила, то пусть отсохнет мой язык, если нет, то пусть отсохнет твой язык!»; *Мен аны алгъан эсем, эки къолум къурсун, алай тюйюл эсе уа, къолларынг къурсунла!* «Если я это брала, пусть отсохнут мои руки, а если нет, то пусть отсохнут твои руки!»; *Мен санга аман айтхан эсем, кесим ёлейим, алай болмай гюнях ала эсенг, кесинг ёл!* «Если я говорила о тебе плохо, пусть умру я, а если беспричинно обвиняешь меня, чтобы умер ты!».

Гораздо чаще проклятия употребляются во втором лице и в единственном числе: *Сени жайманг этилсин!* «Чтобы тебе сделали жауму (т.е. чурек, который делают в день стирки вещей покойника)!»; *Таннга сау чыкъмагъын!* «Чтобы ты не дожил до утра!»; *Жашауунгдан къууанмагъын!* «Чтобы жизнь тебя не радовала!»; *Жюрегинг тутуп ёлгюн!* «Чтобы ты умер от сердечного приступа!».

Реже проклятия употребляются в третьем лице в единственном числе. К примеру: *Аллах аны жашауун къурамасын!* «Чтобы Аллах не дал ему личного счастья!»; *Анга бир аман ауруу тийсин!* «Чтобы он заболел страшной (букв. плохой) болезнью!» и т.д.

Среди карачаево-балкарских проклятий имеют место и проклятия множественного числа второго лица: *Сизни артыгъыз болсун!* «Чтобы вас не стало!»; *Ёмюрде арбазыгъызгъа сабий къонмасын!* «Пусть никогда в вашем дворе не будет наследника (букв. ребенка)!» и т.д.

Все перечисленные проклятия направлены на людей, однако встречаются проклятия, направленные на домашних животных и птиц. К примеру: *Сизни аман къушла жьыртсынла!* «Чтоб вас стервятники (букв. орлы) разорвали!»; *Бёрю азыгъы боллукъла!* «Чтобы вас волки съели!»; *Сизни хауле итле сойсунла!* «Чтобы ваши шкуры содрали бродячие (букв. плохие) собаки!».

В редких случаях встречаются проклятия, направленные на второе и третье лицо множественного числа: *Аланы да, сизни да, арбазларыгъызны гырайтла сакъласынла!* «Чтобы ваши (букв. их и ваши) дворы охраняли ишаки!»; *Аланы да, сизни да тюп болсунла юйлеригиз!* «Чтобы ваши (их и ваши) дома исчезли с лица земли!»; *Санга да, алагъа да бир аман хапар ийсинле!* «Чтобы вам (букв. тебе и им) отправили похоронные извещения!».

Карачаево-балкарские проклятия по своему композиционному строю и по объему в основном являются простыми предложениями: *Къаргъышыкъ боллукъ!* «Будь проклят! (букв. настигло проклятие)»; *Киндигинг юзюлсун!* «Чтобы исчез твой род (букв. оборвалась пуповина)!» и т.д.

Однако встречаются проклятия, которые по своему объему равны сложноподчиненным предложениям: *Ол мени юсюмден аман айтханнга, аман окъ жазылсын!* «Тому, кто говорил обо мне плохо, пусть будет отправлена черная пуля!»; *Ол мени суймегени, Аллах да суймесин, ичи таш кёмюрча кюе турсун!* «Пусть того, кто недолгобливает меня, невзлюбит

Всевышний (Аллах), и он изнутри сгорит как уголь!»; *Ол сен мени ачитханча, Аллах ачитсын сени!* «Пусть Аллах тебе причинит такую же боль, какую ты причинил мне!».

В фольклоре карачаевцев и балкарцев немало проклятий с гиперболическими сравнениями. К примеру: *Я Аллах, сен акътереклей жангыз къалгъын!* «Дай Аллах, чтобы ты остался один как тополь!»; *Я Аллах, сен кемеча кенгергин!* «Дай Аллах, чтобы тебя раздуло как корабль!»; *Я Аллах, сен таиша къатып чыкъгъын!* «Дай Аллах, чтобы ты застыл как камень!» и т.д.

Представленный выше фактологический материал позволяет констатировать тот факт, что проклятия являются зложеланиями, адресант которых остается пассивным. Он в большинстве проклятий-высказываний «обращается к Всевышнему, к внешним силам, навлекая на объект действие сил извне» [3, с. 112]. Проклятия произносятся в порыве гнева в надежде на то, что эмоциональный крик души будет услышан Всевышним. Но при этом многие забывают, что проклинать большой грех как для проклинающего, так и для его семьи. По всей видимости, поэтому мужчины запрещали своим женам произносить в своем дворе проклятия и сами никогда не проклинали. Например: *Арбазда этилген къаргъыш, арбазда къалыр!* «Проклятие, произнесенное во дворе, останется в этом же дворе!»; *Алгъыш этген алгъышлы, къаргъыш этген къаргъышлы* «Благословляющий будет благословлен, человек, который проклинает, сам будет проклят!» и т.д. В карачаево-балкарской культуре проклинать всегда считалось предосудительным, а для мужчин и вовсе запретным. Об этом свидетельствует и данная пословица: *Сагъыш этген – сер тьююл, къаргъыш этген – эр тьююл!* «Мыслящий – не дурак, проклинающий – не мужчина!» и т.д. Исключение составляют только любовные песни-частушки, где парень проклинает семью своей возлюбленной из-за того, что их разлучают с любимой в силу различных жизненных устоев.

По мнению доктора философских наук Ю.С. Обидиной, «проклятия – одно из средств, к которым может прибегнуть женщина, чтобы защитить себя от оскорблений» [7, с. 17]. Возможно, в более глубоком анализе проклятий можно будет исследовать и эту точку зрения.

Она также отмечает, что социальная функция проклятий становится все более интересной благодаря их использованию женщинами – это типичное женское «оружие», которое мать может использовать против своего сына. Кроме того, проклятие дает юридическую возможность тем субъектам, у которых нет другого способа защитить себя, – странникам или нищим и, конечно же, женщинам [7, с. 18].

Также в народе всегда боялись проклятий несчастных людей, особенно вдов. Ведь, как и у многих народов, у карачаевцев и балкарцев кормильцем семьи был мужчина. И остаться без мужской поддержки всегда было огромной трагедией для семьи. Именно поэтому проклятие вдовы считали одним из самых страшных. Например: *Менича баишыз олтургъун!* «Чтоб осталась без мужа, как и я (букв. сидела без головы)!». Проклинающий человек, в данном случае вдова, мог сказать: *Менлей олтур!* «Чтоб сидела, как и я!». Значение проклятия в первой случае дается четко и прямо, а во втором несколько завуалировано.

В фольклоре карачаевцев и балкарцев *акъ* «белый» символизирует благо, а *къара* «черный» – наоборот, зло. Белый цвет, как правило, встречается в благопожеланиях, а черный – в проклятиях. К примеру, благопожелания с прилагательным «белый»: *Акъ намыбынга бѐленгин!* «Чтобы окутался в светлое (букв. белое) счастье!»; *Акъ мамукъдан жасалсын жюрюген жолунг!* «Чтобы белой ватой была настелена твоя дорога!». Прилагательное «черный» в свою очередь встречается в следующих проклятиях: *Санга къара кюн келсин!* «Чтобы для тебя настал черный день!»; *Арбазында къара къаргъа къычырсын!* «Чтобы в твоём дворе черная ворона крикнула (это знак плохой вести для этой семьи)!» и т.д.

Также встречаются проклятия, где проклинающий использует в одном проклятии как белый, так и черный цвет. Например: *Ол акъ кюнлеринг къаралып (къара болуп), бутларынгы тую олтургъун!* «Чтобы твои счастливые (букв. белые) дни почернели (букв. стали черными) и ты пребывал в печали (букв. бил свои колени)!». Здесь

проклинаящий желает обидчику череду несчастий, но отмечает наличие у того и светлых дней, продолжающихся на момент проклятия.

В заключение хотелось бы отметить, что проклятия изначально были тесно связаны с язычеством, религией и только после, частично утратив свои магические функции, перестали восприниматься как зложелания и плавно перешли в бранную лексику, выражая негативную экспрессию говорящего. Как утверждает современная фольклористика, проклятия следует изучать более детально, так как они тесно связаны с культурными нормами поведения, менталитетом, историей и национальными особенностями этноса. На сегодняшний день проклятия остаются в сравнении с другими малыми жанрами фольклора менее изученным жанром.

Исходя из вышеизложенного, мы можем констатировать, что проклятия заслуживают серьезного научного анализа. Приведенные нами примеры свидетельствуют о языковом богатстве и стилистической выразительности данного жанра народного творчества, благодаря которому в той или иной степени люди имели возможность эмоционально выразить состояние в моменты негодования, снимая таким образом иннервационное напряжение (стресс) и «уходя» от физических эксцессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аджиев А.И.* Устное народное творчество кумыков. Махачкала: Наука ДНЦ РАН, 2005. 428 с.
2. *Бгажноков Б.Х.* Отрицание зла в адыгских тостах. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2010. 118 с.
3. *Бичекуева Т.Ю., Кетенчиев М.Б.* Парадигма императива в карачаево-балкарском языке. Нальчик: Книга, 2014. 156 с.
4. *Джуртубаев М.Ч.* Ёзден адет. Алан (къарачай-малкъар) халкъны ниет тѳереси (Этический кодекс аланского (карачаево-балкарского) народа). Нальчик: Эльбрус, 2001. 281 с.
5. *Кетенчиев М.Б.* Проблемы вокативных конструкций в карачаево-балкарском языке // Актуальные вопросы карачаево-балкарской филологии. Сборник статей к 70-летию Ж.М. Гужеева. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2010. С. 69-74.
6. *Малкондуев Х.Х.* Обрядово-мифологическая поэзия балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 273 с.
7. *Обидина Ю.С.* Молитва vs проклятие: речевые акты в структуре религиозных практик древнегреческого общества // Вестник Марийского государственного университета: Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2019. Т. 5. № 1. С. 14-22.
8. *Узденова Ф.Т.* Карачаево-балкарская поэзия: генезис и жанровое своеобразие. Нальчик: Принт Центр, 2018. 232 с.
9. Фольклор карачаевцев и балкарцев в записях и публикациях XIX – середины XX века / Сост., вступ. ст. и комментарий А.И. Алиевой, Т.М. Хаджиевой. Нальчик: Эльбрус, 2016. 544 с.
10. *Хаджиева Т.М.* Малкъарлыланы бла къарачайлыланы халкъ поэзия чыгъармачылыклары (Народное поэтическое творчество балкарцев и карачаевцев) // Къарачай-малкъар фольклор (Карачаево-балкарский фольклор): хрестоматия. Нальчик: Эль-Фа, 1996. С. 6-37.
11. *Хаджиева Т.М.* Фольклор // Карачаевцы. Балкарцы. М.: Наука, 2014. С. 522-524.
12. *Чуякова Н.М.* Малые жанры адыгского фольклора. Майкоп: Меоты, 1999. 166 с.

REFERENCES

1. Adzhiev A.I. *Ustnoe narodnoe tvorchestvo kumykov* [Oral folk art of the Kumyks]. Makhachkala: Science, DSC RAS, 2005. 428 p.
2. Bgazhnokov B.H. *Otricanie zla v adygskih tostah* [Denial of evil in Adyghe toasts]. Nalchik: Publishing department of KBIHR, 2010. 118 p.

3. Bichekueva T.Ju., Ketenchiev M.B. *Paradigma imperativa v karachaevo-balkarskom jazyke* [The paradigm of imperative in Karachay-Balkarian language]. Nalchik: Book, 2014. 156 p.
4. Dzhurtubaev M.Ch. *Jozden adet. Alan (k'arachaj-malk'ar) halk'ny niet tjoresi* [Code of Ethics of the Alanian (Karachay-Balkarian) people]. Nalchik: Elbrus, 2001. 281 p.
5. Ketenchiev M.B. *Problemy vokativnyh konstrukcij v karachaevo-balkarskom jazyke* [Problems of vocal constructions in the Karachay-Balkarian language]. In *Aktual'nye voprosy karachaevo-balkarskoj filologii. Sbornik statej k 70-letiju Zh.M. Guzeeva* [Actual issues of the Karachay-Balkarian philology. Collection of articles for the 70th anniversary of Zh.M. Guzeev]. Nalchik: Publishing department of KBIHR, 2010. Pp. 69-74.
6. Malkonduev H.H. *Obrjadovo-mifologicheskaja poezija balkarcev i karachaevcev* [Ritual and mythological poetry of the Balkars and Karachays]. Nalchik: El-Fa, 1996. 273 p.
7. Obidina Ju.S. *Molitva vs prokljatie: rechevye akty v strukture religioznyh praktik drevnegrecheskogo obshhestva* [Prayer vs curse: speech acts in the structure of religious practices of ancient Greek society]. In *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta: Serija «Istoricheskie nauki. Juridicheskie nauki»* [Vestnik of the Mari State University. Chapter «History of Law»]. 2019. Vol. 5. № 1. Pp. 14-22.
8. Uzdenova F.T. *Karachaevo-balkarskaja poezija: genезis i zhanrovoe svoeobrazie* [Karachay-Balkar poetry: genesis and genre originality]. Nalchik: Print Center, 2018. 232 p.
9. *Fol'klor karachaevtsev i balkartsev v zapisyakh i publikatsiyakh XIX – serediny XX v.* [Folklore of Karachays and Balkarians in the records and publications of the XIX – the middle of the XX century]. Compiler, author of introductory article and comments A.I. Alieva; Editor-in-chief T.M. Khadzhieva. Nalchik: Elbrus, 2016. 544 p.
10. Hadzhieva T.M. *Malk'arlylany bla k'arachaylylany khalk" poeziya chyg"armachylyk"lary* [Folk poetic creativity of Balkarians and Karachays]. In *K'arachay-malk'ar fol'klor* [Karachay-Balkarian folklore]: Readings. Nalchik: El-Fa, 1996. Pp. 6-37.
11. Hadzhieva T.M. *Fol'klor* [Folklore]. In *Karachaevtсы. Balkartсы* [Karachays. Balkarians]. Moscow: Science, 2014. Pp. 522-584.
12. Chujakova N.M. *Malye zhanry adygskogo fol'klora* [Small genres of Adyghe folklore]. Maykop: Meots, 1999. 166 p.

CURSES AS A GENRE OF KARACHAY-BALKARIAN FOLKLORE

Zh. M. LOKYAEVA

Institute of Humanitarian Researches –
branch of the FSBSE “Federal Scientific Center
“Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”
360000, KBR, Nalchik, Pushkin street, 18
E-mail: kbigi@mail.ru

The article is devoted to the analysis of the texts of one of the poorly studied genres of Karachay-Balkarian folklore – “curses”. Its features and formal characteristics are revealed, a place in the system of small genres is determined. Based on the analysis and systematization of factual material, as well as taking into account the accumulated knowledge in the field of studying this genre, the author's taxonomy of curses is presented, their linguistic and ethnocultural characteristics are noted, reflecting an important fragment of the naive ethnic picture of the world associated with the sphere of traditional interpersonal relations.

Keywords: Karachay-Balkarian folklore, classification, small genres, curses, artistic features.

Работа поступила 08.06.2020 г.